

Е. Иванова
Москва

Блок и Бальмонт: дополнения к сюжету¹

Литературные отношения Блока и Бальмонта, никогда не переходившие в личные, имеют долгую историю. В те периоды своей жизни, когда Блок занимался рецензированием выходящих книг в журнале «Новый путь» и продолжающих его «Вопросах жизни», в Литературном приложении к газете «Слово» и журнале «Золотое руно», он постоянно откликался на все вновь выходящие сборники стихотворений Бальмонта и почти всегда оценивал их достаточно высоко. Как подсчитал Р.Б. Донгаров в статье «Блок – редактор Бальмонта», в 1903–1909 годах он посвятил ему «2 статьи и 6 рецензий. Столь пристальное внимание Блока-критика, кроме Бальмонта, из поэтов-символистов привлекал только Брюсов».²

В этих отзывах Р.Б. Донгаров выделял периоды увлечения Блока Бальмонтом, когда он называл его «типичным представителем “новой школы” русской поэзии» «начинателем в России литературного освобождения», восхищался музыкальностью его стихов, которые затем сменялись периодами охлаждения, когда Блок выступал «против типичной для Бальмонта обедненности содержания».³ По мнению Р.Б. Донгарова, эта эволюция для Блока «завершается оценкой 10 тома “Полного собрания” стихов Бальмонта как “почти исключительного нелепого вздора”».⁴

Как представляется, Р.Б. Донгаров не учитывает специфики жанра рецензии, эволюционировало не отношение Блока к Бальмонту, а сам Бальмонт, каждый следующий сборник которого был хуже предыдущего, что и констатировал Блок в своих отзывах. Отзыв на Полное собрание стихотворений заканчивался словами: «Я считаю своим приятным долгом посоветовать читателю, не желающему осквернить памяти о большом поэте, содействовать истреблению последних книг Бальмонта (экземпляры для истории всегда останутся в Публичной библиотеке). Помимо осквернения памяти, чтение этих книг может нанести существенный вред, потому что с именем Баль-

монта далеко еще не все отвыкли связывать представление о прекрасном поэте. Однако пора отвыкать: есть замечательный русский поэт Бальмонт, а нового поэта Бальмонта больше нет».⁵

Очевидно, что «замечательный русский поэт» оставался в сердце Блока, и утверждать, что «для Блока 1910-х годов Бальмонт значил уже очень мало»,⁶ будет не совсем верно, мало значили для Блока его вновь выходящие сборники, потому что в той статье Блок писал: «все, кто умеет ценить поэзию как самостоятельную стихию – не только те ее области, в которых она роднится с другими стихиями, но и те, в которых она совершенно беспримесна, исключительна или даже прямо враждебна всем другим стихиям, – все они твердо знают, что Бальмонт – поэт бесценный. И так как лучшими произведениями своими Бальмонт обязан именно перечисленным качествам, – то действительные ценители поэзии останутся навсегда ему благодарны именно за них».⁷

Эти слова наиболее полно передают суть отношения Блока к Бальмонту как поэту. В дополнение к тем его отзывам, на которые ссылается Р.Б. Донгаров в своей статье, следует привести еще одно важное суждение Блока, относящееся к переводам Бальмонта. Поводом для высказывания Блока стали две статьи К. Чуковского о переводах Бальмонта. Первым был обзор «Русская Whitmaniana»,⁸ посвященный неточностям и ошибкам в русских статьях и переводах тогда еще мало известного в России поэта Уолта Уитмена.⁹ Надо отметить, что Чуковский очень любил жанр уточнений, постоянно публиковал разного рода исправления чужих ошибок в заметках «Литературные стружки», очевидно, был также поставщиком материалов для рубрики «Горестные заметки», которую вел из номера в номер в журнале «Весы» Валерий Брюсов. Так что первоначально его обзор не был направлен специально против Бальмонта.

Среди тех, кто в статье «Русская Whitmaniana» был уличен в неточностях, мы находим имя Дионео <псевдоним И.В. Шкловского>, писавшего корреспонденции из Лондона для журнала «Русское богатство», походя была задета переводчица З.А. Венгерова, но больше всего внимания было уделено Бальмонту, о статье и переводах которого из Уитмена было сказано: «Статья г. Бальмонта “Уолт Уитмен” (“Весы”, 1904, VII) тоже не свободна от недоразумений. Положительно г. Бальмонт не чувствует языка, с которого переводит. В

трех строчках перевода он сделал пять грубейших ошибок, – и, благодаря этим ошибкам, создал характеристику Уитмена, весьма далеко отстоящую от подлинной. <...> Еще небрежнее Бальмонтский перевод из Уитмена в XII кн. сборника “Знание”. Там на второй же строчке – ряд недоразумений. *Trough the windows – through doors burst like a ruthless force!* говорится в подлиннике; Бальмонт не замечает внутренней рифмы, переводит скучающей прозой:

В окна, в двери ворвитесь – с неумолимою силой.

Но *force* – здесь вовсе не *сила*. Здесь – *войско, полчище, орда*. Бальмонт прогарцевал мимо прекрасного образа: звуки барабана, врывающиеся в окна, как солдаты – и затоптал его округленной банальщиной... и т. д.». ¹⁰

Бальмонт наряду с Чуковским был одним из первых пропагандистов Уитмена в России, но, как показала эта рецензия, существенно его «обальмонтивший», заметка Чуковского это всего лишь констатировала. Но он понимал, что она совпадает с отношением В. Брюсова к Бальмонту этого времени, поэтому посылая ее Брюсову, предлагал: «Если в моей заметке о Бальмонте слишком мягко, усугубите». ¹¹

Брюсов не только с большим удовольствием напечатал эту статью, но и всеми способами поощрял Чуковского к продолжению полемики. Откликом на замечания Чуковского стало письмо гражданской жены Бальмонта Елены Ц. <псевдоним Цветковской Елены Константиновны> «Об Уитмене, Бальмонте, нареканиях и добросовестности. Заметка доказательная». ¹²

Еще до публикации письма в журнале, Брюсов переслал его Чуковскому, сопроводив письмом от 16 ноября 1906 года, где были такие пожелания: «Елена Ц. сателлит (или сателлитка) Бальмонта, прислала нам длинное и ругательное возражение на Ваши слова о Б<альмонте> в *Whitmanian*’е. Там говорится, что только невежественная редакция могла напечатать невежественную статью невежественного Чуковского, а Бальмонт – Поэт и Высокий и не может наклоняться, что тело по-английски *body*, а не *form*, а папирус не может быть заглушен однодневкой и т. д. Мы вышлем Вам корректуру этой заметки, а Вы напишите ответ, настоящий, резкий, убивающий, сколь хотите бранный и сколь хотите длинный, хотя бы в 2 ли-

ста. Должно эту Елену поставить на ее место и этому “Ц.” сказать “цыц”. Уверен, что Вы сумеете постоять за себя, как должно». ¹³

Чуковский в ответном письме от 19 ноября заверял Брюсова: «не беспокойтесь: потрафлю: я такие у Поэта нашел Места в его Переводе из Шелли, что даже г-жа Цыц замолчит». ¹⁴

Ответом на «заметку доказательную» Елены Цветковской стала статья Чуковского «О пользе брома», ¹⁵ где он привел еще более убийственные примеры ошибок в переводах Бальмонта и одновременно – самым жестоким образом высмеял Елену Цыц, как они с Брюсовым называли Цветковскую в переписке, и дал общую оценку его переводческой деятельности, отделив ее от поэтического творчества: «Я преклоняюсь перед Бальмонтом-поэтом. Со всем слабым и отталкивающим, что есть в нем, он для меня – создатель нового мира, нового неба и новой земли. Для меня – для каждого из нас – Бальмонт – это частица нас самих, это мы сами. Он – наши глаза, наши уши, наши руки. Но, <...> Бальмонт как переводчик – это оскорбление для всех, кого он переводит: для По, для Шелли, для Уайльда. Г-жа Елена Ц. поучает меня, что перевод должен быть художественно-воссоздающим, а не “ученически-дословным”. А разве Бальмонт “воссоздает”? Ведь у Бальмонта и Кальдерон, и Шелли, и По, и Блейк – все на одно лицо. Все они – Бальмонты. Читатель, знакомый с ними по Бальмонту, не отличит их друг от дружки. Все они с каким-то ухарским завитком, все они гладкие, круглые, юнкерски удалые». ¹⁶

Следом Чуковский, как и обещал Брюсову, опубликовал статью «В защиту Шелли», где примеров «обальмончивания» английского поэта и ошибок перевода было еще больше, а общая характеристика переводов была еще более уничижительной: «Перечитывая бальмонтовские переводы, я открыл для себя новую сторону духовной личности Бальмонта; имя ей, как ни страшно это выговорить, хлестаковство. Чем дальше я вчитывался, тем яснее мне становилось, что перевел Шелли не Бальмонт, а Хлестаков, и все хлестаковские слова: “лилейная шейка”, “не стул, а трон”, “ангел души моей”, “пламя в груди”, все эти безнадежные аксессуары канцелярского романтизма, за которыми так явственно слышатся “удивительные штоссы”, “пентюхи” и “лабарданы”, – фатально отразились в этом переводе. Стоит Шелли сказать: лютня, Бальмонт говорит: “рокот лютни-

чаровницы», забота у Бальмонта превращается в “безбрежное страдание”; небо в “лазурные высоты”... и т. д.».¹⁷ Примеры отсебятины занимали почти все пространство статьи. В союзники себе Чуковский взял Максимилиана Волошина, который незадолго до него опубликовал в журнале «Русская мысль» (1900, № 5) статью о переводе Бальмонта «Потонувшего колокола» Г. Гауптмана под заглавием «В защиту Гауптмана», откуда и пришло к Чуковскому первоначальное заглавие его статьи. Волошин, как сказано у Чуковского, «нашел в бальмонтовском переводе “Потонувшего колокола” *четыре*ста лишних “водянистых строчек отсебятины в декадентском стиле”, отчего “Потонувший колокол”, натурально, “разбух, потерял красоту очертаний, соразмерность образов и утратил чистоту мысли”».¹⁸

Статья Чуковского была рецензией на трехтомник: *Шелли П.-Б.* Полн. собр. соч. В перев. К. Бальмонта. Т. 1–3. СПб., 1903–1907 и, казалось, была способна окончательно перечеркнуть сложившуюся к этому времени репутацию Бальмонта как лучшего переводчика Шелли, уж слишком убийственные примеры приводились в ней.

Однако мнение Чуковского не убедило, например, Александра Блока, который, судя по всему, следил за этой перепалкой. В статье «О современной критике» (1907) Блок напал как раз на Чуковского, безоговорочно приняв сторону Бальмонта: «Не так давно в “Весех” специальностью Чуковского было развенчивание Бальмонта как переводчика Шелли и Уитмена; я не имею никаких данных для того, чтобы сомневаться в верности филологических изысканий и сличений текстов, которые были предприняты Чуковским, для меня существует один неоспоримый факт: небольшая статья Бальмонта об Уитмене и несколько переводов, помещенные им в той же статье (Весы – июль 1904 г.), запоминаются очень ярко – гораздо ярче, чем многие переводы и статьи самого Чуковского об Уитмене <...>. Допускаю, что и переводы Чуковского ближе к подлиннику, чем переводы Бальмонта; допускаю, что и облик Уитмена Чуковский передает вернее, чем Бальмонт, но факт остается фактом: переводы Бальмонта (хотя бы и далекие) сделаны поэтом, облик Уитмена, хотя бы и придуманный, придуман поэтом; если это и обман, то – “обман возвышающий”, а изыскания и переводы Чуковского склоняются к “низким истинам”».¹⁹ Итак, Блок был готов защищать Бальмонта-поэта даже там, где его правота была далеко не очевидна.

Возвращаясь к статье Р.Б. Донгарова, хочется внести некоторые уточнения: в момент, когда Блок приступал к составлению и подготовке тома избранных стихотворений Бальмонта для издательства З.И. Гржебина, никакого разочарования в нем как поэте не было. Донгаров ссылается на запись Блока от 4 мая 1920 года: «Горький всучил мне Бальмонта».²⁰ Эту же запись как проявление «большой неохоты» приводит Динерштейн в своем исследовании, посвященном издательской деятельности Гржебина.²¹

Однако смысл этой записи раскрывается лишь в контексте сотрудничества Блока в издательстве З.И. Гржебина, для которого он, начиная с января 1920 составлял и редактировал том сочинений М.Ю. Лермонтова. Истории этого издания посвящен целый ряд исследований,²² нам важно отметить лишь итог этой работы. В марте 1920 года Блок закончил подготовку рукописи, 19 марта она обсуждалась на заседании, которое Чуковский описал в дневнике: «Блок взялся проредактировать Лермонтова – и, конечно, его работа прекрасна. Очень хорошо подобраны стихи – но статья написана не в популярно-вульгарном тоне, как нужно Горькому, а в обычном блоковском, с напрасными усилиями принизиться до уровня малокультурных читателей. Для Блока Лермонтов – маг, тайновидец, сновидец, богоборец; – для Горького это “культурная сила”, “двигатель прогресса”, здесь дело не в стиле, а в сути. Положение Блока – трагическое. Чем больше Горький доказывал Блоку, что писать надо иначе: “дело не в том, что Лермонтов видел сны, а в том, что он написал “На смерть Пушкина”, тем грустнее, надменнее, замкнутее становилось измученное прекрасное лицо Блока».²³ Блок внес некоторые исправления в свою работу, о них речь идет в указанных выше работах, но в новую работу для издательства Гржебина, которой руководил все тот же Горький, он включился неохотно, о чем и свидетельствует указанная запись.

Сборник стихов Бальмонта Блок добросовестно подготовил, в архиве Блока сохранилось две единицы хранения, относящиеся к этой работе. Первая из них – «Содержание “Избранных стихов” К.Д. Бальмонта (1890–1912)» – автограф Блока с пометами красным и синим и карандашом²⁴ опубликована в статье Р.Б. Донгарова.²⁵ Другая единица представляет собой рукопись сборника стихотворений Бальмонта, в основном, переписанных А.А. Кублицкой-Пиоттух по указаниям Блока.²⁶

О своей работе над этой рукописью 14 июня 1920 А.А. Кублицкая-Пиоттух писала М.А. Бекетовой: «Вот только что переписала целую кучу стихов Бальмонта. Издается сборник его избранных стихов. Все по новому правописанию. Кажется справилась. Но зато окончательно невзлюбила Бальмонта. И говорить не хочется, как он мне претил». Примечателен конец этого письма: «“Я ненавижу человечество, / Я от него бегу, спеша...” Это Бальмонт, – а не я».²⁷ Так что разочался в Бальмонте не Блок, а его мать, которая переписывала составленный им сборник.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 17-04-00644-ОГН).

² *Донгаров Р.Б.* Блок – редактор Бальмонта // Блоковский сборник. II. Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока. Тарту, 1972. С. 417.

³ Там же. С. 417.

⁴ Там же. С. 418.

⁵ *Блок А.* Собр. соч. В 8 томах. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 375.

⁶ *Донгаров Р.Б.* Блок – редактор Бальмонта. С. 418.

⁷ *Блок А.* Собр. соч. Т. 5. С. 375

⁸ *Чуковский К.* Русская Whitmaniana // Весы. 1906. № 10. С. 43–45. Далее тексты цитируются по: *Чуковский К.* Собр. соч. В 15 т. Т. 6. М., 2002. С. 428–430.

⁹ Имена зарубежных поэтов приводим в современном написании.

¹⁰ Там же. С. 429–430.

¹¹ *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 15. Письма. 1903–1905. М., 2008. С. 428–430.

¹² *Елена Ц. [Цветковская Е.К.].* Об Уитмене, Бальмонте, нареканиях и добросовестности. Заметка доказательная // Весы. 1906. № 12. С. 46–51.

¹³ Цитируется по комментариям в кн.: *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 15. С. 103.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Чуковский К.* О пользе брома. По поводу г-жи Елены Ц. // Весы. 1906. № 12. С. 52–60. См. также: *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 6. С. 430–438.

¹⁶ *Чуковский К.* В защиту Шелли // Весы. 1907. № 3. С. 61–68. Статья была опубликована в сборнике Чуковского «От Чехова до наших дней» как приложение под заглавием «Бальмонт и Шелли», см.: *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 6. С. 171–179.

¹⁷ Там же. С. 171–172.

¹⁸ Там же. С. 177.

¹⁹ *Блок А.* Собр. соч. Т. 5. С. 203–204.

²⁰ *Блок А.* Записные книжки. М.; Л., 1965. С. 492.

²¹ *Динерштейн Е.А.* Синяя птица Зиновия Гржебина. М., 2014. С. 252.

²² *Усок И.Е.* О вступительной статье Блока к «Избранным сочинениям» М.Ю. Лермонтова // Труды гос. музея истории Санкт-Петербурга. Вып. IV. СПб., 1999. С. 101–114; *Усок И.Е.* Александр Блок – редактор «Избранных сочинений» М.Ю. Лермонтова // Александр Блок и мировая культура. Материалы научной конференции 14–17 марта 2000 г. Великий Новгород, 2000. С. 162–173; *Шумихин С.В.*

Блок – комментатор Лермонтова // Наше наследие. 2010. № 96. С. 60–65; *Иванова Е.В.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб.; М., 2012. С. 324–328; *Кузнецова О.А.* М.Ю. Лермонтов в интерпретации Блока // Лермонтов и история: Сборник научных статей / Отв. ред. В.А. Кошелев. Тверь, 2014. С. 316–323; *Кузнецова О.А.* «Есть речи, значение темно иль ничтожно...» (Блок – интерпретатор литературного наследия Лермонтова) // Александр Блок: Исследования и материалы / Отв. ред. Н.Ю. Грякалова. СПб., 2016. С. 190–207.

²³ *Чуковский К.* Собр. соч. Т. 11. Дневник 1901–1921. М., 2006. С. 292.

²⁴ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 309, 22 л.

²⁵ *Донгаров Р.Б.* Блок – редактор Бальмонта. С. 419–421.

²⁶ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 310, 58 л.

²⁷ ИРЛИ, ф. 654, оп. 7, ед. хр. 18, л. 31 об.–32.